

ВСЁ О ГРОБАХ

- Я не совсем понимаю, это художественный текст или нет?
- Это как поэзия гробов, антропология гробов, социология гробов. «Всё о гробах». Энциклопедия гробов. Вот есть микология. Наука о грибах. Грибы – гробы. А у меня будет наука о гробах, понимаешь, в ней будет всё о ней, как антропология.
- Чего-то тебя уже понесло.
- Нет, ты не понимаешь. Антропология знаешь, это наука о человеке. Знаешь, что человек может рассматриваться... с каких сторон?
- С зада и переда.
- Хах.
- Блин, ну я не знаю ваших там делений.
- Да это не наши, это вообще.
- Да ёлки. Ну с психологической там.
- Та-ак.
- Хватит, а. Отстань. Чувствую себя школьником. А школу, знаешь, когда я окончил? Тебя ещё в проекте не было, ты вообще, да уж, — усмехается, — никакого уважения, да?
- В общем, смотри, у человека есть тело – это физическая сторона, есть душа (ну, допустим, об этом тоже споры идут) – духовная как бы сторона, мысли там, психология – ментальная. Он включён в социальные отношения, вот как мы с тобой сейчас общаемся, выстраиваем как бы социальные взаимодействия – это социальная сторона. Политическая. Так же и у гробов, понимаешь?
- Нет. Я не понимаю.

Ивану 25 лет. Два месяца назад он снова взял академический отпуск на философском факультете. Он несколько раз уже его брал, два раза его отчисляли, один раз он сам отчислялся, вечный третьекурсник. Иван сирота. Иван на самом деле очень хороший. Иван сидит на наркотиках (мы против наркотиков, поэтому даже не знаем, на каких именно он сидит). Иван любит выпить, а ещё он два раза в год лежит в психушках. Но Иван очень талантливый. Его мысль – парит, летает, это и есть сам воздух. И она такая же тяжело уловимая, как сам воздух. Иван жил в Главном здании МГУ. Там его общежитие. У него нет четырёхсот рублей в месяц заплатить за вай-фай, поэтому он ходит в коворкинг философского факультета сидеть на интернете. Ивана очень любит его плюс-минус такая же подруга (только не сирота) Полина. Её мысль летает, как ковёр с картины Васнецова, когда слушаешь её на семинарах, перестаёшь верить в Бога и начинаешь верить в Мысль.

И Полина, и Иван подошли к жизни очень близко. Без денег, но с Мыслями они поехали на электричке до Петушков. Если кто-то каждый год 31 декабря

ходит в баню и оказывается в Петербурге, они каждый год весной берут много водки (без закуски) и оказываются с книжкой Венечки Ерофеева в облёванной (пока не ими) электричке «Москва-Петушки». Таких, как Иван и Полина, конечно же, больше нет на этом свете, но таких, как они – любителей Мысли, собирается с ними в этой электричке ещё три человека.

Такое нечасто случается, но они доехали до Петушков, не облевав себя, друга и электричку. Но. К компании Ивана, Полины и ещё троих студентов философского факультета присоединился какой-то взрослый мужик. Нельзя сказать, какой он по виду, кого он напоминает, к какой профессии его можно отнести, глядя на его ботинки или на его рюкзачок. Потому что ни ботинок, ни рюкзачка у него не было.

Но это не бомж.

— Короче, смотри. Гробы бывают разные. Для нищих там, для среднего класса, для богатиков. А если похороны – господи, это офигенно интересно, я не могу – ну, короче, если похороны какого-то известного человека или богатого, на гроб смотрят как на бриллианты или наряд. Представь, когда кто-то типа Бедросовича выходит в свет, на премьеру какую-то, на мероприятие, все его фотографируют, смотрят, в чём он, как бы сравнивают с собой. Тут важен элемент вот этой социальности. — размахивает руками, — Гроб – это маркер социального класса. Это раз. Гроб – это материя. Это два. Из чего делают гробы? Из чего делали гробы? История. Это три. Какие самые странные материалы для гробов использовали?

— Мэмэнто мори, слышал такое?

— Но это только начало. Вообще, что на поверхности. Отдельная тема – общие гробы. Ещё одна – воровство гробов. Ты в курсе, что гробы вообще воруют? Прикинь, — Иван начинает истерически смеяться, — гробы, — Иван продолжает истерически смеяться, — воруют.

У Ивана случаются припадки истерического смеха. Ему смешно, и он заходится. Как-то после такого припадка его повезли удалять аппендицит. Как-то его обливали водкой. Как-то он потерял сознание.

Иван падает со стула и смеётся, обхватывая своё колено, уже на полу. Так проходит минута. Мужик без рюкзачка и ботинок в шоке.

— Чё, приход случился?

Иван продолжает смеяться, Полина и три студента философского факультета говорят с другим таким же мужиком за другой частью стола. Они привыкли к припадкам Ивана, да и вообще – к шуму и хаосу, поэтому они не обращают внимание.

А стол, кстати, стоит на улице в каком-то дворе. Такой обшарпанный деревянный стол. Наверное, рано или поздно Иван сравнит его с гробом.

Мужику становится страшно.

— Ты под чем-то что ли?

Припадок продолжается. Полина поворачивается. Она выглядит как булгаковская Маргарита.

— Ой, не обращайтесь внимания, с ним такое случается.

Три студента философского факультета о чём-то говорят с другим мужиком, иногда слышны отдельные слова: «Объекто-блин-ориентированная», «аналитическая фигня», «это нафиг логос».

Мужику без рюкзака и ботинок становится уже всерьёз страшно. Он пытается понять, куда он вообще попал.

— Вы чё вообще? Да он подохнет щас. Да посмотрите вы.

Все поворачиваются на Ивана. Иван потихоньку успокаивается, но после такого припадка «потихоньку» – это минут десять.

— Да, философ, ну ты даёшь. Думал, подохнешь щас, а мне куда бежать, что делать, — Иван всё ещё «потихоньку» успокаивается, — с этими гробами ещё. Знаешь, как говорят? Шутки с дьяволом плохи. Не помню, как говорят. Но не играй со смертью, пацан. Ты молодой, умный, я половины слов твоих не понимаю, чего ты.

Иван протирает слёзы, оставшиеся от припадка, и пытается начать нормально дышать. Главное слово – пытается.

— Ну правда, Вань, Ванька. Ты же не говнюк, это видно. Идеи вон у тебя есть. Образование такое получаешь. Ну чего ты за ум-то не возьмёшься? Начни жить нормально.

Полина слышит это и на секунду поворачивается:

— А нормально у нас не получается.

Разворачивается.

— А пробовали вы?

Иван потихоньку успокоился.

— Пробовали.

— И чего, правда не получается?

Иван крутит головой. Типа нет.

— Ну что вы, молодые такие, умные, красивые. Жалко ведь.

Девочка из тех трёх студентов философского факультета вдруг через стол обращается к мужику без рюкзака и ботинок:

— А как вы это видите? Вот как вы понимаете, что мы ненормально живём? Мы одеты, обуты; кстати, в отличие от вас. Мы моемся, с чего вы взяли, что мы ненормально живём?

Полина с Иваном вдруг почувствовали, что им хочется обнять этого мужичка.

— Да, ребят, ну мне не двадцать же лет. Я давно живу. Это видно, не надо даже с вами говорить, чтобы это понять. Просто это чувствуется и всё.

Девочка продолжает. О ней мы знаем, что периодами она сильно пьёт, а другими периодами она не пьёт даже пиво (как бы в завязке).

— Да чувствоваться может что угодно, но это ваши чувства, субъективные, зачем вы нам о них говорите? Вы не считаете, что вы нас оскорбляете?

Полина начинает успокаивать девочку и пытается её приобнять. Девочка настроена серьёзно – убирает руки Полины со своих плеч.

Мужик молчит, как бы давая возможность всем высказаться.

Из тех троих студентов философского факультета, кроме высказавшейся девочки, сидят Артур, но он уже ничего не хочет говорить, и Даниил. Даниил – аспирант кафедры философии и методологии науки, но, кажется, он где-то застрял. Пока он молчит, но, если что-то срезонирует с его застрявшестью, он обязательно выскажется.

— Вы думаете, если человеку сказать, что он неправильно живёт, он начнёт жить так, как вы хотите? Как видите правильным? Так просто всё, да? Думаете у нас родителей нет, которые каждый день нам это говорят?

Тишина. Хочется даже сказать, что мёртвая тишина, но мы со смертью не шутим.

Полина замирает в попытке обнять девочку, Иван сидит на полу, обняв свои колени, Артур смотрит сообщения на электронных часах, а Даниил раскладывает из семечек какие-то фигурки.

— У меня нет родителей.

Тишина становится ещё более мёртвой, но мы по-прежнему не шутим со смертью.

Девочка успокаивается после слов Ивана.

— Я не это имела в виду.

Молчание.

— Прости, Вань, правда не это.

Тишина. Продолжает Даниил.

— У меня и мать жива, и отец, я вырос в традиционной полной семье, но они не знают, чем я занимаюсь. Что я в аспирантуре, не знают. Где я, с кем.

Девочка успевает ответить, не подумав:

— А тебе бы хотелось?

— Хотелось.

Снова тишина. И снова мёртвая.

Зато теперь слышно, как щебечут птички. А они щебечут – весна ведь.

Артур отрывает взгляд от электронных часов.

— А почему вы в носках ходите?

Другой мужик встаёт из-за стола:

— Дотрынделись, нафиг.

И уходит.

Мужик без рюкзака и ботинок передвигается на его место.

— У меня сестра умерла. Когда она была, я жил совсем иначе. Как раз нормально. А умерла она, и все вещи изменились вокруг. Внутри меня, конечно, в первую очередь. Я вот начал задавать себе вопросы. — тишина, — Например: врачи нам говорят, что у нас спина болит, остеохондрозы там всякие, от прямохождения. Слышали, да? А почему тогда никто не встал на карачки и не пошёл на работу на своих четырёх? Можно надеть перчатки и наколенники, чтобы кожа не стиралась. Вот верите, нет, уснуть не могу, думаю об этом.

Артур продолжает.

— А носки тут при чём?

— Да смелости во мне не хватает, так сразу встать и поползти на карачках. Стыдно перед людьми. А в носках ходи сколько душе твоей вздумается — никто и внимания не обратит. Я в носках хожу, а в душе думаю: на карачках ползу. Вот зима наступит, я хочу в одной рубашке ходить. С коротким вот таким, — показывает, — рукавом. Если кишка тонка будет, то хотя бы в свитере. Может, к Богу ближе буду.

— А при чём тут Бог, — Артур нормальный человек, живёт нормальной жизнью, занимается правом, он таких разговоров не любит.

— Молчи пока, — Полина толкает Артура и как бы внимая смотрит на мужика. Но ему уже нечего сказать.

Мужик снимает вязаные носки, кладёт на стол и уходит. На нём остаются более тонкие носки. Под ними, может быть, ещё одни.

Полина по жизни восторженный человек.

— Господи, вы вообще понимаете, что с нами произошло? Боже мой. Это же сам Венечка Ерофеев. Это же настоящий юродивый. Господи. Это Василий Блаженный.

— Или Ксения Петербургская, только мужчиной, — подхватывает девочка, которая сначала много пьёт, потом в завязке.

— Да маргинал просто местный, — у Артура прихода не случилось.

— А мы не маргиналы? — перебивает Полина.

— А у нас есть что-то ещё? — поверх Полины говорит девочка, которая сначала много пьёт, потом в завязке.

— Был бы батя таким, — спокойно продолжает Даниил.

А Иван молчит.

Птички щебечут, в щёлках стола бегают муравьи, справа от стола – небольшой палисадник с подснежниками. На балконе третьего этажа женщина вывешивает бельё. Из подъезда выходят две девочки с мячом.

— Одно мэмэнто, никого мори, — подытоживает Иван.

— Господи, как вернёмся, набью себе на руке слово ЖИЗНЬ, — подытоживает Полина.

Одно мэмэнто – никакого мори. Только жизнь. Подытоживаем мы.